

Светлана Лубенец

Не хочу влюбляться!

*Часть сборника
Магия любви. Самая большая
книга романов для девочек
(сборник)*

Светлана Лубенец
Не хочу влюбляться!

«Автор»

2013

Лубенец С. А.

Не хочу влюбляться! / С. А. Лубенец — «Автор», 2013

ISBN 978-5-699-61682-4

Появление в классе новеньких всегда интересное событие, а уж если новенький красавчик, да еще таинственный и загадочный, то устоять вдвойне сложно. Вот и Варя, отговаривая подругу Машку влюбляться в новенького, и сама не заметила, как потеряла от него голову. Правда, Сашка Белецкий оказался худшим объектом для внимания – высокомерный, заносчивый и надменный. Девушка уже и сама не рада была, что так неосторожно влюбилась, но неугомонная Машка решила – Варя и Саша будут вместе, чего бы это ей ни стоило...

ISBN 978-5-699-61682-4

© Лубенец С. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Лубенец

Не хочу влюбляться!

Глава 1

«Мне нужна твоя помощь...»

– А я тебе говорю, что он вообще ни на кого не смотрит! Абсолютно бесчувственный болван! – горячилась Маша Рагулина из 9-го «А», пытаясь вбить это в голову Варя Симоненко из 9-го «Б».

Маша даже соскочила с подоконника, на котором сидела, и вырвала из рук Вари раскрытый учебник физики. Варя уже давно в него не смотрела, но Маша, видимо, чувствовала себя уверенней, когда приятельнице не на что было отвлекаться. Симоненко тут же выхватила у нее свой учебник обратно, сунула его в сумку и сказала:

– Да я никогда не поверю, что ваш новенький ни разу не посмотрел хотя бы на Ольгу Емельянову! Такую красавицу еще поискать – не найдешь!

– Я тебе говорю, что ни разу не посмотрел!! – с еще большим жаром воскликнула Маша. – Ольга уж и таким боком к нему повернется, и этаким, а ему – хоть бы что!

– А может, у него уже есть девушка? Из старой школы, например...

– Знаешь, Варька, можно даже иметь в подругах самую красивую девушку в мире, но вообще не глядеть на Ольгу невозможно! Ты ж сама только что об этом сказала!

Варя посмотрела в окно. На подоконнике сидел голубь. Будто почувствовав взгляд девочки, он повернул к ней головку. Нежные сизые перышки с радужными переливами чуть встопорщились на шее, бусинка глаза с желтой окантовкой дрогнула. Голубь взмахнул крыльями и взлетел, царапнув коготками по жести внешнего подоконника.

– Ну что ты молчишь-то?! – не унималась Маша.

Варя нехотя отвела взгляд от окна и ответила:

– А что мне сказать? Может, Ольга просто не его тип?

– Да ладно! При чем тут тип? Вот я Емельяниху терпеть не могу, но красоту ее признаю и всегда восхищаюсь!

Варя вздохнула, снова вытащила учебник физики и перед тем, как его раскрыть, спросила:

– Слушай, Машка, а чего ты от меня-то хочешь, что-то никак не пойму?!

– Ну даешь! – возмутилась Рагулина, трагически всплеснув руками. – Я ей всю перемену талдычу о том, что мне нравится Белецкий, а она, видите ли, ничего не понимает!!

– Машка! Я тебе кто? Никто! Я даже не в вашем классе учусь! Чего ты ко мне пристала со своим Вилецким?!

– Во-первых, его фамилия – Белецкий! Во-вторых, мне важен взгляд со стороны! Я хочу разобраться, стоит ли на него тратить силы. В-третьих, никто не мешает нам с тобой как следует подружиться, раз уж мы все равно рядом живем! Мы ж не виноваты, что нас родители в разные классы отдали!

– Маш, отстань, а! – попросила Варя. – Я хочу еще разик прочитать параграф. А на вашего Белецкого, так и быть, как-нибудь посмотрю с особым пристрастием. Только... – Симоненко лукаво улыбнулась, – вдруг он мне так понравится, что я сама начну строить ему глазки! Что тогда?

Маша шумно выдохнула воздух и сказала:

– Ну... тогда я пойму, что мы с Ольгой Емельяновой для Белецкого действительно не тот типаж!

– И что, прямо так и сдашься?

– Не знаю, – задумчиво произнесла Рагулина. – Я ж еще не влюбилась по самые гланды...

Так... Присматриваюсь...

– Ладно, валяй, присматривайся. Только умоляю, дай мне физику повторить.

Последние слова Симоненко заглушил звонок.

– Ну во-о-о-от! – недовольно протянула Варя. – Как всегда! От тебя, Машка, одно зло! Схвачу сейчас из-за тебя лебедя!

– Ну конечно! Из-за меня! – с большим сарказмом произнесла Рагулина. – Дома надо было физику учить! Поторопись! Физичка моментально дверь закрывает!

И две девочки быстрыми шагами пересекли холл и скрылись в двух соседних кабинетах: физики и русского языка.

Напряжение с Вариной души спало только тогда, когда Валентина Ивановна объявила, что они переходят к новому материалу. Не спросили. Повезло-таки. Варя не любила физику, как, впрочем, и все точные науки. Она изо всех сил старалась получать поменьше троек по физике с математикой, но это стоило ей больших трудов. Варя любила писать сочинения, длинные и пространные. Собственные размышления по разным поводам порой уводили ее довольно далеко от характеристик героев изучаемых произведений, но русичка Маргарита Сергеевна всегда прощала ей многословие и лирические отступления от основной темы. Она всегда говорила, что в сочинениях Варвары Симоненко бьется живая мысль.

В новый материал Варя вникнуть никак не могла – думала о Белецком. Она специально неправильно назвала его фамилию в разговоре с Машкой, чтобы та не догадалась, что этот парень ее тоже интересуется. С Машкой, соседкой по лестничной площадке, Варя была знакома с детского сада, где они были в одной группе. Девочки вполне могли бы оказаться и в одном классе, если бы Варины родители оказались порасторопнее. В то лето, перед тем как Варе идти в первый класс, они затеяли ремонт и, заработавшись, понесли документы дочери в школу в конце августа, когда класс «А», в который все непременно хотели попасть, был уже полностью сформирован. Варю не взяли бы и в «Б», если бы родители одного мальчика не успели поругаться с директрисой и не забрали документы. Машка не была Вариной подругой в полном смысле этого слова. Так... приятельницей... У Вари вообще не было подруг, как ни странно, она обходилась без них самым замечательным образом. Одной ей никогда не бывало скучно. А Машка часто раздражала излишней шумностью, восторженностью и добротой, граничащей, как казалось Варе, с глупостью.

Белецкий пришел в Машкин класс не первого сентября, а пару недель назад, в ноябре. Варя сразу встретилась с ним взглядом, когда однажды зашла в школьный вестибюль. Парень с самым равнодушным видом сразу отвел глаза, а Варины щеки моментально покрылись нервным румянцем. Белецкий больше ни разу на нее не посмотрел ни в тот день, ни после, но Варя помнила его взгляд, тревожный и, как ей показалось, беззащитный. Возможно, в тот момент его тревожило всего лишь то, что надо как-то привыкать к новой школе, но Варе хотелось думать, будто его волновали всякие возвышенные мечты, что говорило бы о богатстве его внутреннего мира.

До появления в школе Белецкого Варя почти не обращала внимания на парней. Большинство из них она знала если и не с детского сада, как Рагулину, то по двум дворам, между которыми стоял ее дом. С несколькими познакомилась в первом классе и помнила их нескладными малышами с ровными челочками и в форменных галстучках, повязанных на белых рубашках. Одноклассники уже давно повывели себе ровные челочки и редко надевали парадную школьную форму, благо она не была обязательной, но Варе они казались такими же неинтересными,

как давно прочитанные буквари и книжки сказок. Белецкий показался ей необычным. Во-первых, он никогда не улыбался. Во всяком случае, Варя, сталкиваясь с ним в школьных коридорах, вестибюле, столовой и библиотеке, никогда не видела на его лице улыбки. Девочка строила на этот счет всяческие предположения, одно романтичнее другого, и дорого дала бы, чтобы узнать, в чем же была настоящая причина его неулыбчивости.

Во-вторых, Белецкий всегда был одет в одно и то же: в черный глухой джемпер, который никогда не оживлял воротничок светлой рубашки, и в черные джинсы. Одноклассницы Вари тоже, разумеется, не могли не заинтересоваться новеньким «ашником» и строили на его счет всяческие догадки. Одни причисляли его к сатанистам, другие – к готам, третьи, настроенные романтически, считали черные краски его одежды данью трауру по погибшей возлюбленной. Конечно же, девчонки из класса «Б» пытались выудить сведения о Белецком у «ашниц», включая Машку Рагулину, но никто ничего интересного о новеньком рассказать не мог. Варя не верила ни в сатанизм Белецкого, ни в его принадлежность к готам. Он одевался в черное, но никакой атрибутики, свойственной представителям этих субкультур, не носил. И какая такая мертвая возлюбленная может быть у парня в пятнадцать лет? Хотя... Если вспомнить Джульетту... и отсутствие улыбки на лице Белецкого... Но тогда, в свете этих представлений, пожалуй, неплохо, что она уже... как бы... не живая...

На этом месте Вариных размышлений наконец прозвучал звонок с урока. Она закрыла тетрадь, куда бездумно списывала с доски формулы, не спеша собрала со стола свои принадлежности к уроку и, что называется, нога за ногу поплелась из класса. Следующим уроком стояла физкультура, которую Симоненко любила еще меньше, чем физику. Варя была абсолютно неспортивной девочкой. Взобраться на канат она не могла никогда, кросс в пятьсот метров пробежать была просто не в состоянии, да и игровые виды спорта не жаловала. Она боялась летящего на нее мяча, уворачивалась от него, вместо того чтобы ловить, и команда одноклассниц срывала на ней свою злость по поводу проигрыша даже в том случае, если Симоненко в этом и не была виновата.

Сейчас по программе они занимались гимнастикой. Ничего хорошего Варю не ждало. Ей не нравилось делать кувырки, она боялась ходить по бревну и каждый раз с замиранием сердца ждала, что не удержится и сорвется с брусев. Конечно, ненавистный физрук Николай Кузьмич ответит за это, но Варини руки-ноги уже будут безнадежно переломаны. Хорошо, если не шея...

Варя как раз прикидывала все «за» и «против» «закоса» физкультуры, когда перед ней в коридоре опять выросла фигура Рагулиной.

– Маш, ну чего ты привязалась? – недовольно спросила Варя.

– Знаешь, Варька, мне надо с тобой поговорить, – очень жалобно проговорила Маша. – Перемена большая, пошли в буфет, а?! За мой счет!

– У меня сейчас физра! Какой может быть буфет? Я и так еле-еле на бревне держусь. Мне лишние граммы ни к чему!

– А я тебе только сок возьму!

Варя поняла, что от Рагулиной не отвяжешься, буркнула: «Пошли», – и первой свернула на лестницу, поскольку столовая находилась на первом этаже.

В столовой, сжав локоть Вари так сильно, что та даже пискнула, Маша прошипела ей в ухо:

– Гляди, вон он сидит. Как всегда, один, как перст...

Варя проследила, куда направлен взгляд расширившихся рагулинских глаз, и увидела Белецкого. Он действительно сидел один за столиком у окна спиной к залу. Видно было, что он специально расположился так, чтобы к нему никто не мог подсесть. На одном стуле сидел сам,

на другой бросил школьную сумку, на третий – какие-то тетради. Четвертый стул отсутствовал, так как столик стоял у стены.

– Машка, а он что, так ни с кем из ваших парней и не подружился? – спросила Варя.

– Не-а... – ответила та. – Но, может, еще мало времени прошло... Месяца нет...

– Ну... может быть, конечно. А с кем он на уроках сидит?

– Ни с кем. Один. За последним столом. В самом углу. Там Лешка обычно сидит, но сейчас он болеет...

– Мне апельсиновый... – сказала Варя, когда подошла их очередь.

– Мне тоже апельсиновый сок и еще две полоски... Вон ту, розовую, и с шоколадом, – заказала Рагулина.

Варя взяла стакан с соком и пошла в сторону окна, возле которого сидел Белецкий. Но стоило ей опуститься на стул, как Машкин одноклассник поднялся, мазнул ее невидящим взглядом и понес грязные тарелки к мойке. Потом он вернулся за своими вещами, еще раз равнодушно взглянул на Варю и направился к выходу из столовой.

– Как всегда!! – с досадой произнесла Маша и со всей силы ударила по столу стаканом. Сок опасно плескался и чудом не вылился на стол. – Ну ни на кого не смотрит! Хоть ты что!

– Может, у него и правда какая-нибудь трагедия произошла? – отозвалась Варя.

– Ну... не знаю... Из любой трагедии надо как-то выходить. Не всю же жизнь страдать.

Рагулина села за стол, откусила сразу чуть ли не половину полоски с розовой глазурью и с набитым ртом снова начала что-то говорить про Белецкого.

– Машка, прожуй сначала! – возмутилась Варя, с неприязнью глядя на свой сок. Пить ей не хотелось.

– Хофофо, – с трудом проговорила Рагулина, роняя изо рта розовые крошки. Потом запила полоску соком и уже вполне внятно произнесла:

– В общем, так – мне нужна твоя помощь!

Варя изумленно приподняла бровь.

– Да! – продолжила Маша, плотоядно глядя на второе шоколадное пирожное. – Только ты можешь мне помочь.

– Почему именно я?

– Потому что только тебе я могу доверять, ведь мы знакомы уже сто лет.

– Ну! Что дальше?! Только давай покороче! Мне ж еще переодеться на физру надо!

– Как ты знаешь, сегодня после шестого урока наши классы тащат в политехнический лицей. Можно подумать, что все прямо только туда и будут поступать после девятого! Я, например, не буду ни за что, потому что...

– Машка! – угрожающе произнесла Варя. – Я же просила покороче!! Я сама все знаю про этот лицей и про тебя вместе с ним!

– Я постараюсь, – кротко согласилась Рагулина. – Так вот! Нам с Белецким поручили написать отчет о посещении лицея и завтра вывесить его в классе на доске с материалами по профориентации, чтобы, значит, никто не забыл, каким профессиям там обучают, что надо для поступления и прочую ерунду.

– А почему именно вам с Белецким?

– Ну ты даешь! То тебе покороче, то тебе подлиннее! Не знаю почему, да и все!

– Врешь! – беспощадно констатировала Варя.

– Ну ладно, вру, – не стала упираться Маша. – Но ты сама просила короче. В общем, наша классная мадама велела это сделать Белецкому. Наверно, хотела, чтобы он побыстрее проникся заботами коллектива. А я предложила себя в помощь, так как у меня якобы есть фотографии лицея, всяких его лабораторий, механических участков и прочее... Мол, нагляднее будет...

– А у тебя есть?

– У меня нет. А вот у тебя есть!

– Откуда?!

– Оттуда! Помнишь, в прошлом году все эти материалы твои родители распечатали для наших братьев. Твой так и не пошел в лицей поступать, а мой Вовка уже учится там на автослесаря. У нас дома ничего нет, а у вас наверняка эти фотки так и валяются где-нибудь.

– Ну... может, и валяются. Поищу, конечно. То есть ты собираешься сблизиться с Белецким на почве лица?

– Наконец-то до тебя дошло! – обрадовалась Рагулина и откусила половину второй, шоколадной, полоски.

– И каким же образом?

– Предложу где-нибудь встретиться, чтобы поудачней вставить фотки в текст.

– Так надо ж будет их снова сканировать...

– Да уж я постараюсь, не волнуйся! Потом на флешку скину.

– Маш, Белецкий ведь сам может все это в Интернете найти!

– Может, не спорю! Но я вот, например, вчера вышла на сайт лица, а его дизайн теперь совсем другой. Текста стало больше, а фотки измельчали, совсем слепые... А у вас были – первый сорт!

– А если он не захочет с тобой встречаться?

– А я постараюсь, чтобы захотел.

– Как? – изумилась Симоненко.

– Слушай, Варька, какая тебе разница? – уже с возмущением отозвалась Маша, так и не донеся до рта ополовиненную полоску. – Лучше пообещай, что фотки поищешь?

– Ну... поищу! Уже ведь пообещала!

– Хорошо! А я к тебе вечером загляну, ладно?

Варя хотела сказать, что может и не найти эти фотографии, но Рагулина уже вскочила со своего места, запила пирожное соком, бросила: «Ну, я побежала», – и очень быстро пошла к выходу из столовой. Варя взглянула на свой так и не тронутый сок, сморщилась, пить его не стала и отправилась вслед за Рагулиной.

Вопрос «пойти или не пойти на физкультуру?» сменился в голове Симоненко другим – «найти или не найти фотографии?». На самом деле Варя точно знала, где эти фотки лежат – в верхнем ящичке компьютерного стола. Ее старший брат Виталик, не вняв уговорам родителей, вместо того чтобы поступать в лицей на автослесаря, как Вовка Рагулин, отнес документы в колледж технологии и дизайна, где намеревался освоить профессию какого-то менеджера. Учиться ему там не нравилось, поскольку он довольно быстро смекнул, что менеджер – это не та специальность, которой должен владеть настоящий мужчина. Настоящему мужчине негоже заниматься обслуживанием клиентов, подготовкой договоров или товаров для продажи. С этим вполне могут справиться и женщины. Настоящие мужчины должны что-то создавать руками или с помощью мозгов. Родители Виталькины умонастроения всячески поддерживали и надеялись, что он уйдет из своего колледжа и все же поступит в лицей, если и не автослесаря, как Рагулин, так хоть на газосварщика. Поработав же поначалу газосварщиком на местном заводе, в дальнейшем Виталик вполне может возглавить целую бригаду сварщиков, потом участок, а там и до начальника цеха рукой подать. Именно поэтому фотографии и бумаги, где были обозначены правила приема в политехнический лицей, будто и были отложены за ненадобностью, на самом деле лежали практически на самом виду, ибо в этом же ящичке хранились всяческие очень нужные Витальке компьютерные приборамбасы.

Если отдать фотографии Машке, то получится, что Варя отдаст и самого Белецкого прямиком ей в руки. А вдруг они так сплуются в работе над отчетом о посещении лица, что их потом будет и водой не разлить! Может быть, есть смысл честно признаться Рагулиной, что Белецкий ей тоже нравится, а потому никаких фотографий она отдавать принципиально не

будет? Да, но Машка же надеется! Но ведь родители могли же и выбросить фотографии, раз Виталик уже все равно поступил в свой колледж! Но в то же время они не выбросили!

В тяжких раздумьях Симоненко даже не заметила, как забрела в раздевалку физкультурного зала, и таким образом вопрос «идти или не идти на физру отпал сам собой. Уж пришла, так чего теперь... Может быть, и проблема с фотографиями решится как-нибудь сама по себе? Прямо там, в лице... Как любит приговаривать папа, не стоит бежать впереди паровоза. Есть смысл как следует разглядеть Белецкого на этой познавательной экскурсии, а там видно будет, что делать дальше.

Глава 2

«Прямо не хочется про этого Белецкого дальше распространяться...»

Никому из девочек 9-го «Б» идти в лицей не хотелось. Специальности для них там было только две: продавца-контролера и повара-кондитера.

– Ну, Тамара Ивановна, ну, можно мы не пойдём? – канючила и нукала за всех Оксана Бердяева. – Ну, никто из наших не хочет быть ни продавцом-контролером, ни тем более поваром, хоть каким: хоть кондитером, хоть на первое и второе! Вот кого хотите спросите! Мы вообще все собираемся в десятый!

Варя напряглась. В ее планы не входила отмена похода в лицей. К ее полному удовлетворению, Тамару Ивановну не так-то легко было сбить с намеченного пути.

– Вы не хотите, потому что плохо представляете себе работу повара! Это же творческий процесс!! В общем, ничего не хочу слушать! Чтобы через пятнадцать минут все были готовы! Буду ждать вас на крыльце школы.

– А кто не придет... – начала та же Бердяева.

– А кто не придет, того заставлю писать реферат на тему специального профессионального образования молодежи в России! – закончила за нее классная руководительница и вышла из класса.

Бердяева скорчила ей вслед уморительную физиономию, и это как-то сразу разрядило обстановку. Все рассмеялись, и поход в лицей перестал казаться отвратительным. На солнечной, заснеженной улице и легком морозце одноклассники развеселились окончательно. За те десять минут, которые пришлось подождать, пока все соберутся, в Варю успели два раза попасть снежками, а Рагулиной даже насыпали снега за шиворот. Машка так уморительно визжала и извивалась, чтобы вытряхнуть из одежды быстро тающий снег, что рассмеялась даже Тамара Ивановна и слегка пожурела парней, которые так по-детсадовски развлекались.

Варя бросила быстрый взгляд на Белецкого. Улыбка так и не появилась на его лице. Он стоял, прислонившись к стене школы, и смотрел куда-то вверх. Симоненко проследила за его взглядом. В небе не было ничего, кроме нескольких облачков и спящего, но по-зимнему холодного солнца.

В троллейбусе Варя постаралась подобраться поближе к Белецкому, чтобы еще лучше его рассмотреть, но сделать это ей не удалось. Парень стоял так, что видеть можно было только аккуратное, розовое с мороза ухо, выглядывающее из-под черной вязаной шапочки, и кулак, сжимающий длинный ремень школьной сумки самого примитивного образца. Куртка Белецкого тоже оказалась обыкновенной, из черной синтетики. В общем, зацепиться было не за что, а значит, и никаких выводов о его личности через особенности внешности Варя сделать не смогла. Особенности видно не было.

В лицее объявили, что сначала всех школьников проведут по учебным кабинетам и лабораториям заведения, а потом разделят на две группы. Юношам покажут мастерские, а девушек познакомят со специальностями, на которые молодых людей принимают только по большой просьбе с их стороны.

В каждом кабинете, куда заводили девятиклассников, Варя опять старалась подобраться поближе к Белецкому, что ей, надо сказать, удавалось. Один раз она даже смогла сесть на такое место, что профиль молодого человека оказался прямо перед ее глазами. Профиль был очень даже приличным. Белецкий имел тонкий прямой нос, высокий лоб. Вот только губы были как-то чересчур плотно сжаты, а их уголки, которые могла видеть девочка, трагически или, даже возможно, презрительно опущены от того, что все ему, видно, тут здорово не нравилось. Сна-

чала Варя беспокоилась, что парень заметит ее внимательный взгляд и разозлится, но он его не замечал или очень успешно делал вид, что не замечает. Хотя, может быть, он был просто сосредоточен. Белецкий не только слушал, что им рассказывали, но и фотографировал кабинеты и их оборудование на камеру своего мобильного. Варя сразу подумала, что мечта Рагулиной сблизиться с ним на почве отчета о лицее лопнула мыльным пузырем. Зачем Белецкому чужие фотографии, когда легко сделать свои! Таким образом, вопрос «давать или не давать Машке фотографии» решил сам собой, как того Варя и хотела. Папа прав – никогда не надо бежать впереди паровоза!

– Нет, ты только погляди на него... – прошипела Рагулина и крепко вцепилась в Варин локоть. – Даже не посчитал нужным сказать, что ему плевать на чужие фотки, так как наделает своих... Как же! Это ж ниже его достоинства – объясниться с человеком!

– Маш, с мобильного ж плохие фотографии! Ты ж знаешь! – попыталась утешить приятельницу Варя.

– Ага-а-а... Плохие! Как же! Ты посмотри, какая у него мобила! Навороченный айфон! Там все при всем! Фотки получатся классные! Я-то уж знаю. Нашему Вовке родители такой на день рождения подарили за успехи в автослесарной учебе! Представь, он папиному начальнику что-то в «Мазде» починил!

– Ну, Вовка дает! Крутой пацан! А насчет Белецкого не огорчайся! Как говорится, неудачи делают нас сильнее! У тебя еще будет возможность каким-нибудь другим образом сблизиться с ним. Он же совсем недавно с вами учится! У тебя все впереди!

– Я прямо уж и не знаю, хочу ли с ним сблизиться... Разве так нормальные люди поступают? Не нужны тебе фотки, ты так и скажи! Чего из меня посмешище делать?

– Знаешь, Машка, никому, кроме меня, и дела нет до вас с Белецким! Вот честное слово! Никто не рассмеется, поверь! У всех своих дел по горло!

– Ну... может быть... Все равно противно.

Варя бросила еще один взгляд на Белецкого, который в ожидании следующего преподавателя лицея стоял в коридоре по-прежнему отдельно от всех, точно так же прислонившись к стене, как некоторое время назад на крыльце школы. И даже смотрел снова вверх. Варя невольно подняла голову вслед за ним. Кроме самого обычного светильника, на потолке ничего не было.

– Машка, а может, правы девчонки, которые утверждают, что у него кто-то умер. Возлюбленная – это полная ерунда. Но может, кто-нибудь из близких родственников. Вот сейчас в кабинете информатики ваш Афанасенков так хохмил, даже лицейские преподы смеялись, а Белецкий опять ни разу не улыбнулся. Ну, невозможно не рассмеяться шуткам Афони, а у вашего новенького это каким-то образом получается. Наверно, у него действительно случилась серьезная трагедия, и он никак не может избавиться от тоски.

– А мне кажется, он никак не может перестать восхищаться собственной персоной. Мы все тут вроде полные кретины, а он один умный. И отчет он сам сделает потому, что ему это раз плюнуть, и в помощи такой debilки, как я, он вовсе не нуждается.

– Маш, а ты все равно предложи ему наши фотки. Интересно же, что он скажет!

– Ну уж нет! – Рагулина в возмущении даже рубанула рукой воздух. – Я вовсе не хочу, чтобы он меня как-нибудь унизил. Похоже, ему раз плюнуть – выставить человека идиотом. Пусть сам корпит над отчетом!

– Ну, гляди, Машка! – Варя хитро улыбнулась. – Кто-нибудь уведет у тебя Белецкого из-под носа.

– Хотела бы я посмотреть на ту, которая с этой задачей справится, – с сомнением отозвалась Маша. – Ты же сама видишь, что это за тип.

– По-моему, очень даже интересный тип! Его тайну прямо так и хочется разгадать!

– Да ну?! – Рагулина даже приостановилась в коридоре, по которому девятиклассники гурьбой шли в библиотеку лицея. – И что?! Берешь это на себя?!

– Ну-у-у... – протянула Варя, – если ты не возража-а-аешь...

Мимо девочек прошел одноклассник со смешной фамилией Прыгайло. Рагулина проводила его взглядом и задумчиво произнесла:

– Лешка поправился... С Белецким сидит, но, по-моему, они даже не разговаривают друг с другом... – Потом Маша смерила взглядом Симоненко и добавила: – Сомневаюсь, что у тебя что-то выйдет... Но... попробуй... дерзай...

Варя рассмеялась, подхватила приятельницу под руку и потащила в библиотеку, дверь которой уже успели закрыть.

За все то время, что девятиклассники всем коллективом ходили по лицее, Белецкий так ни разу и не улыбнулся, ни с кем не заговорил и ни на кого не посмотрел благосклонно. Вид у него был отстраненный, и, видно, парень сосредоточился на фотографировании. Кроме того, он записывал речи преподавателей лицея на диктофон мобильного телефона, поскольку все время держал телефон перед собой. Варя подумала, что сама бы и не догадалась использовать диктофон, записывая по старинке в блокнотике. Рациональное использование новых технологий явно шло Белецкому в плюс.

Оказалось, что по лицее ходило много групп девятиклассников из разных школ. Видимо, у данного учебного заведения был так называемый день открытых дверей. После завершения знакомства с учебными помещениями и мастерскими девятиклассников всем скопом собрали в актовом зале на концерт, который своими силами приготовили лицеисты. Концерт оказался так себе – обычная подростковая самодеятельность. Варя смотрела не столько на сцену, сколько на Белецкого. Он по-прежнему не чувствовал ее взгляда. На сцену он, разумеется, тоже не смотрел, сосредоточенно набирая на своем мобильнике какой-то текст. Может быть, уже текст отчета, чтобы не терять зря время.

После концерта всем желающим предложили искупаться в бассейне лицея. Девочки, разумеется, отказались, так как их никто не предупредил, что нужно взять купальники, а парни с радостью согласились. Это ж здорово – выкупаться зимой! Хоть и не в открытом водоеме, а в бассейне, зато бесплатно!

В дверях с витражными стеклами, неоправданно узких для актового зала, образовалась веселая давка и кутерьма. Варя с Машей решили переждать, пока протиснутся наиболее нетерпеливые. Почти рядом с ними стоял и Белецкий, в ушах у него были наушники, подключенные все к тому же телефону. Наверно, слушал музыку.

Когда проход освободился, Симоненко двинулась к нему одновременно с Белецким. Они оказались у выхода в коридор одновременно, и молодой человек вдруг самым бессовестным образом оттолкнул Варю. Она этого не ожидала и потому, едва удержавшись на ногах, отлетела к распахнутой внутрь зала створке двери и выбила локтем стекло. При этом нижними осколками, которые продолжали торчать в пазу, как акульи зубы, она пропорола себе руку от запястья до самого локтя. Девочка вскрикнула, а на пол закапала кровь. Белецкий на ее вопль даже не обернулся. Поскольку в зале уже никого не было, Рагулина вылетела в коридор с криком:

– Держись, Машка! Я за врачом!

Очень скоро возле Вари, плачущей от боли, обиды и более всего от того, что испорчена любимая жемчужного цвета водолазка, оказалась медсестра училища вместе с чемоданчиком для оказания первой помощи. Длинную, неприятно рваную рану Симоненко промыли, осыпали для профилактики каким-то лекарственным препаратом и перебинтовали.

– Я всегда говорила, что двери слишком узки для актового зала! – строго сказала начальственного вида дама в модных очках и длинных переливающихся серьгах. – Вот и допрыгались, Иван Аркадьевич!

Иван Аркадьевич, который заведовал хозяйственной частью лицея, с самым трагическим выражением лица смотрел на Варю, молчал и только тер всей ладонью сизый, плохо выбритый подбородок. Классная руководительница 9-го «Б», первой прибежавшая на Варин крик, выглядела совершенно потерянной и была в состоянии только приговаривать, как заведенная:

– Ну надо же такому случиться... Бедная девочка... Ну надо же такому случиться... Бедная девочка...

Иван Аркадьевич в конце концов оставил в покое свой подбородок и, сильно смущаясь, произнес:

– Если пойдете в травму, может быть, не станете говорить, что поранились у нас в лицее?

– Как это не станем?! – взвилась Тамара Ивановна, будто наконец очнувшись. – А где же девочка могла еще получить такую рану?

– Да у вас же, в школе. Это ж ваши ребята устроили давку. Лицей тут ни при чем.

– А у вас... а у вас... – Учительница ловила ртом воздух, а потом вдруг вспомнила только что произнесенные слова начальственной дамы и выпалила: – А у вас двери неправильно узкие, вот что!

Варя, у которой уже несколько утихла боль в обработанной медикаментами руке, поднялась со стула, на который была заботливо усажена медсестрой, и сказала:

– Да ладно вам... Не пойду я ни в какую травму... Заживет...

– Ага! Тем более что виноват в этом... – начала говорить тоже вдруг очнувшаяся Рагулина, но Варя резко оборвала ее:

– Никто не виноват. Это я сама... заторопилась...

– Вот втолкуй мне, почему ты не захотела пожаловаться на этого подлеца Белецкого!! Я видела, как он тебя толкнул! Я – настоящий свидетель самого настоящего преступления!! – возмущалась Маша, когда они с Варей уже пили чай в квартире Симоненко. – А если бы осколки вонзились тебе в горло?!

Варя передернула плечами и буркнула:

– Ну, ты придумашь, Машка...

– Хорошо, что это только мои придумки! Хорошо, что все закончилось именно так! Ладно, не буду больше предполагать, что еще могло бы случиться. Но вот что ты скажешь родителям? Шла, упала, очнулась – гипс?!

– Скажу, что нечаянно выбила локтем стекло.

– Ага! Прямо все и поверят!

– Поверят. Я однажды в детском саду именно локтем стекло выбила. Нечаянно. Правда, не поранилась тогда. У нас же вся дверь в умывальник была застеклена. Сколько раз дети били... Потом дверь поменяли на деревянную. Неужели не помнишь?

– Поскольку я стекло никогда не била, ничего такого, конечно, не помню. Но... допустим... Тебе поверят... Рана заживет... Да! Я не буду говорить о том, что она может и не зажить... – На этом месте Варя поморщилась, а приятельница продолжила: – Ладно! О плохом мы не будем думать, согласна! Но Белецкий должен ответить за свое преступление! Он ведь даже не обернулся, негодяй!

– Вот именно, Машка! Думаю, что он и не понял, что со мной случилось.

– Он что, не слышал звона разбившегося стекла? Он что, глухой? Да твой душераздирающий вопль, думаю, был слышен даже на улице!

– А у Белецкого уши были заткнуты наушниками!

– И что? Это разве его как-то извиняет?

– Он просто не слышал ни звона стекла, ни моего вопля!

Маша несколько смешалась, но тут же воспрянула:

– Значит, надо ему рассказать, что он наделал! Пусть пореже затыкает свои уши наушниками, коли такой равнодушный к людям! Толкнет еще кого-нибудь на улице под машину – и сам же в тюрьму за это сядет. Надо же хоть о себе думать, если о других неохота!

Варя налила в обе чашки еще чаю и, размешивая сахар в своей, сказала:

– Что-то тут не так, Машка! Ну не может человек просто быть такой сволочью в пятнадцать лет! Надо во всем разобраться, прежде чем обвинять!

– Почему это не может! Очень даже может! Вон от Вадьки Петракова из 7-го «А» вся школа стонет, несмотря на то что ему вообще только тринадцать! – не растерялась Рагулина.

– Ну ты сравнила!! У Петракова родители алкоголики, у него жизнь трудная! Детства вообще нет! А Белецкий весь гладкий, чистый, ухоженный! Дома наверняка все в порядке! Вот ты знаешь, кто его родители?

– Откуда? Кому он скажет-то? Боюсь, что даже наша классная еще с ними не познакомилась. Вот! – Маша подняла вверх указательный палец. – У нее теперь будет повод с ними увидеться! Пусть явятся в школу и объяснят, каким таким образом они воспитывают сына, что он живых людей в стеклянные двери бросает!

– Никуда он меня не бросал!!

– Ну это я так... Образно...

– Маш! Он ведь вроде тебе нравился...

Рагулина грациозно откусила кусочек печенья, обсыпанного сахаром, не торопясь прожевала, запила чаем и только тогда ответила:

– Нравился, да... Но уже разонравился! Он мне сразу разонравился, как только в лицее фотографировать начал! Я тебе уже объясняла! Ну а случай с тобой – вообще ни в какие ворота!

– Я же сказала, что он просто... – начала Варя, но Маша тут же ее перебила:

– Даже если пренебречь твоей раной, хотя, конечно, ею мы не будем пренебрегать... Мы просто представим, что ты не поранилась!

– И что?

– И то! Он тебя оттолкнул!! Понимаешь, оттолкнул девушку!! Разве так поступают настоящие мужчины?! Да настоящие должны вперед себя пропустить!

– Ну... он еще не настоящий... Ему только пятнадцать лет...

– Пятнадцатилетний капитан Жюль Верна, между прочим, кораблем командовал, а этот, видите ли, еще не настоящий! Да такой, как он, настоящим никогда и не станет! Такие, как он, в троллейбусе сидят, заткнув уши, а бабушки с сумками и маленькими внуками перед ними стоят! Именно такие в очередях всегда вперед женщин лезут! Ну и остальное тоже... Прямо не хочется об этом Белецком дальше распространяться... – Рагулина допила чай, встала со стула и закончила: – В общем, так: мне домой пора, уроков тьму задали, а ты все же подумай над создавшимся положением. Если что, мы этого уroda Белецкого так прижмем, что мало ему не покажется! Может даже, в свою старую школу снова свалит! Если его, конечно, там примут! Еще неизвестно, почему он оттуда ушел! Выгнали, наверно!

Варя посмотрела на нее рассеянным взглядом и бездумно кивнула.

Глава 3

«С этими кошками Аделями общаться – себе дороже!»

Александра Белецкого раздражало всё. Его раздражали все. Он понял, что ненавидит людей не только за их несимпатичные ему качества, а даже только за то, что их чрезмерно много. Из-за этой скученности каждый так и норовил залезть в его личное пространство и начать там распорядиться. И это происходило не столько из-за наглости индивидуумов, хотя наглецов вокруг хватало, а потому что вокруг было слишком мало свободного места. Ну, в самом деле, почему он обязан, например, делить свой стол в классе с кем-то еще. Он к этому не привык. Как только его привели в класс, он сразу же занял последний стол, поскольку за ним никто больше не сидел. А потом оказалось, что хозяин этого стола просто болен. Когда же он вернулся в строй, Александру пришлось ежедневно на каждом уроке сталкиваться с ним локтями, касаться его одежды. Это выводило его из себя. Нет, Алеша Прыгайло не был ему неприятен как человек. Вернее, он был ему неприятен не более, чем все остальные. Просто Белецкий остро нуждался в том, чтобы на метр вокруг него никто не маячил.

Александр с трудом выносил, когда его называли Сашей. Это имя было настолько чуждо ему, что долгое время он на него не откликался вообще. Не из принципа. Просто никак не мог отождествить себя с Сашей, ему казалось, что обращаются к кому-то другому. Он понимал, что полное имя Александр в обыденной жизни звучит слишком выпендренно, и потому изо всех сил старался привыкнуть к Саше. Он даже отцу запретил называть себя Алексом. Еще бы! Стоит только представиться Алексом, вопросов не оберешься. А к чему ему вопросы? Он не желает ни с кем объясняться.

Трудно было привыкнуть и к одежде, незамысловатой, незаметной, но этим самым, как он считал, маскирующей. Он должен одеваться так, чтобы и по поводу внешнего вида ни у кого никаких вопросов не возникало. Все парни носят темные джемпера и джинсы – он тоже будет. Раз кошмарные темные зимние куртки и вязаные шапки – обычный зимний прикид тинейджеров, нате вам и убогую куртку, и черную шапочку с серым ободком и непонятным лейблом на лбу. Вы не найдете в Александре Белецком никаких отличий от других парней, которыми полны школы, улицы, города... Он такой же, как все. Он один из всех. Только как же его раздражают эти все!

В школе было трудней всего. Он никак не мог взять в толк, зачем набирать такие огромные классы в тридцать и более человек. Разве можно чему-то научиться, когда тебе в затылок и уши дышат сотоварищи, жаждущие знаний? Впрочем, в таких коллективах мало кто по-настоящему этих знаний жаждал. Оно и понятно. Спрашивают тебя по предмету от силы раз в неделю, а все остальное время можно дурака валять, что многие и делают. Белецкий никак не мог взять в толк, зачем делать вид, что ты учишься, и не учиться. Может быть, это происходит потому, что за учебу не надо платить? Ведь если бы образование стало платным, родители бы с пристрастием допытывались каждый день, что нового в школе узнало любимое чадо. Вот за его учебу раньше высчитывали из зарплаты родителей... Впрочем, не стоит об этом. С воспоминаниями покончено раз и навсегда.

А учат, кстати, в этой школе неплохо. Правда, Александру казалось, что излишне многому. Он убрал бы из программы половину предметов. Ему, например, абсолютно не нужны биология с географией, и он ни за что не стал бы посещать эти уроки, если бы не местная обязательность. С другой стороны, горизонты, конечно, расширяются. На биологии с географией ему рассказали много интересного, чего он никогда не смог бы узнать в Интернете, поскольку ему и в ум не пришло бы задавать в поисковой строке вопросы о полезных ископаемых, литосферных плитах или нервной системе человека.

Еще Белецкий не мог понять, зачем ему нужно вместе со всеми ходить по лицам и училищам, если он даже не думает в них поступать. Конечно, он не стал вставать в позу и отказываться. Зачем привлекать к себе излишнее внимание? Он даже согласился сделать отчет. Похоже, классная дама заметила-таки некоторую его отстраненность от всех, хотя он изо всех сил старался ее не демонстрировать, и решила привлечь его к общему, как она считала, сплывающему, делу. Да на здоровье! Он сделает отчет, но сплываться не будет. Ему это не нужно. Он сам по себе. Какая-то девчонка из класса навязывалась ему в помощницы. Александр тут же забыл, какая. Они, девчонки, для него все стали на одно лицо, независимо от возраста и социального положения. И это общее на всех лицо казалось ему невыносимо пошлым, вульгарным и не стоящим никакого внимания. Его бы воля, он вообще запретил представительницам женского пола учиться. Распорядился бы держать их в каких-нибудь закрытых интернатах исключительно для исполнения функции продолжения рода человеческого. И будет с них! Поскольку мужское сообщество даже в пределах одной страны не разделяло его взглядов, ему приходилось мириться с наличием великого множества девочек, девушек и женщин. Он мирился, но отличить одну от другой не мог, да и не старался этого сделать. Белецкий всегда вел себя с женским полом с холодной предупредительной вежливостью и никогда не вступал ни в переговоры, ни в пререкания.

Отчет о посещении политехнического лицея Белецкий сделал быстро. Камера мобильного у него была с хорошим разрешением, и фотографии получились удачными. Принтер дома тоже был качественный, а потому отчет выглядел настоящей конфеткой, хотя Александр старался только потому, что привык вообще все делать хорошо, вне зависимости от того, испытывает он интерес к этому делу или нет.

На следующий день, как только Белецкий переступил порог класса, к нему подлетела девчонка со странным предложением: «Давай выйдем на минутку. Надо поговорить». У Александра не было никакого желания с ней разговаривать, но если отказаться, она может повысить голос, и тогда все обратят на них внимание. Это лишнее. Лучше выйти и попытаться вникнуть в то, что она вдруг решила ему сообщить. Исходя из этих соображений, Белецкий сухо кивнул и первым пошел к выходу из класса. В коридоре девчонка предложила отойти к окну. Он опять кивнул и опять же первым пошел в сторону окна. Когда они остановились друг против друга, Александр спокойно посмотрел на лицо девчонки, выражая тем самым исключительное внимание. Он даже заметил, что у одноклассницы неплохие зеленоватые глаза, но тут же отбросил эту мысль. Когда-то у них в доме жила кошка по имени Адель. У Адели тоже были красивые зеленые глаза, но она была всего лишь кошкой. Такой же, как все женщины вообще.

– Ну как отчет? – спросила его Адель, как он решил для себя называть эту девчонку. Надо же как-то начать их отличать одну от другой, коли с ними приходится учиться. – Сделал?

Белецкий кивнул. К чему лишние слова?

– То есть тебе мои фотки не нужны, да? – Адель опять задала совершенно бессмысленный, с точки зрения Белецкого, вопрос. В самом деле, раз он у нее их не спросил, должно быть ясно, что они ему ни к чему. Александр в очередной раз согласно кивнул.

– Понятно. – Адель тоже кивнула. – А сказать было слабо?

Белецкий не понял, что она имела в виду, но решил, что лучше всего еще раз согласно кивнуть, что и сделал. Адель тоже оригинальностью не отличилась и тоже повторила:

– Понятно. – После того как ею была выдержана небольшая пауза, за которую Александр так и не проронил ни слова, одноклассница вынуждена была продолжить, но уже с некоторым пафосом: – Ну... в конце концов, наплевать на отчет, но ты же человека, возможно, сделал инвалидом на всю жизнь!

Белецкий посмотрел на нее чуть с большим вниманием, но ничего не переспросил. Если кошке Адели что-то от него надо, пусть выражается яснее, тем более что он никого и никогда

ни при каких обстоятельствах не смог бы сделать инвалидом даже за сумасшедшие деньги. Не объяснять же ей это.

– То есть тебя это абсолютно не волнует?! – продолжила в том же идиотском ключе Адель, и Белецкий решил вступить в диалог, чтобы он наконец поскорее закончился.

– Выражайте, пожалуйста, свои мысли четче... – Александр чуть было не добавил «Адель», но вовремя спохватился и закончил предложение по-другому: – Леди. Каких таких инвалидов вы имеете в виду? Какое я имею к ним отношение?

– Ну, ничего себе?! – патетически воскликнула Адель. – Он еще и прикидывается невинной овцой! Да ты ж в лицее так шандарахнул мою подругу дверь, что она выбила локтем стекло и вся поранилась!!

– Простите... что я сделал? – переспросил Белецкий. – Вы ничего не путаете, леди?

– Слушай, Сашка, кончай выдрючиваться! Я свидетель того, как ты, выходя из дверей актового зала в лицее, так оттолкнул Варьку из «Б», что у нее теперь рука распорота отсюда и досюда... – И одноклассница показала на своей руке размеры раны ее подруги Варьки.

– Я оттолкнул? – удивился Белецкий.

– Можно еще сказать – отшвырнул!

– Я не только никого не отшвыривал, я вообще никого не трогал! – Александр начал терять спокойствие.

– Ты можешь говорить, что угодно, но я видела все своими глазами! – Адель так разгорячилась, что ее лицо покрылось красными пятнами. – Варька не хочет на тебя никому жаловаться, но если ты перед ней хотя бы не извинишься, я сама на тебя пожалуюсь кому надо!

– Вы можете жаловаться, кому угодно, леди, но никогда не сможете приписать мне того, чего я не делал!

– Слушай, Белецкий, ты меня достал своей «леди»! Я тебе не леди!! Я Маша Рагулина! Запомни это! А на следующей перемене, будь так добр, дойди до кабинета иностранного языка на втором этаже. У Варьки вторым уроком английский, и она непременно будет тусоваться возле этого кабинета. Не сомневаюсь, что ты ее сразу узнаешь! Безошибочно! А когда помотришь, как она выглядит, может быть, тебе самому захочется со мной еще разик пообщаться! Я всегда к твоим услугам! – На этих словах та, что назвала себя Машей Рагулиной, резко развернулась и пошла в сторону кабинета математики, где у их класса через две минуты должен был начаться урок геометрии.

Геометрия не шла Белецкому впрок. Хоть он никак и не мог поверить в то, что нанес ущерб какой-то там Варьке из «Б», все же чувствовал себя не в своей тарелке. Несмотря на это, Александр сумел собраться, когда его вызвали к доске, и даже вполне сносно доказал домашнюю теорему, но настроение оставалось паршивым, и объяснение нового материала он пропустил. Это Белецкого разозлило. Он привык все усваивать сразу на уроке, чтобы дома было меньше работы. Теперь придется самому разбираться с новой теоремой и терять на это время. Адель, назвавшаяся Машей, несколько раз поворачивала к нему голову и смотрела на него такими страшными глазами, что Белецкому стало казаться, будто он и впрямь в чем-то виноват.

Он и хотел бы не подчиниться кошке Адели – Маше Рагулиной (Александр постарался запомнить ее настоящее имя), но после геометрии ноги сами понесли его на второй этаж к кабинету иностранного языка. Ту самую Варьку, о которой шла речь в разговоре с одноклассницей, он действительно узнал с ходу. Во-первых, она бережно поддерживала левую руку, которая была перебинтована. Из-за бинтов рука не помещалась в рукав школьного пиджака, и он сиротливо болтался, пустой и неприятно сплюснутый, как у израненного ветерана какой-нибудь войны. Во-вторых, к неудовольствию парня, эта девчонка сразу встретилась с ним взглядом и тут же отвела глаза, мучительно и некрасиво покраснев при этом. Это задело Белецкого. Он не помнил, чтобы как-то толкнул ее, но если такое все же случилось помимо его воли, то очень

неприятно, что эта Варька считает, будто он не способен ответить за свой поступок. Более того, унижительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.